

12+

Олег Голиков

РЫЖАЯ ШПИОНКА
ХАТШЕПСУТ

Том III

Дорога на Восток

Олег Голиков

**Рыжая шпионка Хатшепсут.
Том III. Дорога на восток**

«Издательские решения»

Голиков О.

Рыжая шпионка Хатшепсут. Том III. Дорога на восток /
О. Голиков — «Издательские решения»,

Тия отправляется в путешествие с экспедицией в страну Пунт. Её сопровождает казначей царицы Нехси, Ра&арос;уф и 5 кораблей с двумя сотнями солдат и гребцов. Задача — наладить торговые отношения с вождями племен, живущими на далёком юге. Но на этом задача Тии не исчерпывается и дорога после выполнения поручения Хатшепсут, лежит в не просто обратном направлении, а дальше — в Вавилон. На встречу с матерью.

© Голиков О.

© Издательские решения

Содержание

РЫЖАЯ ШПИОНКА ХАТШЕПСУТ	6
Дорога на восток	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ. К югу от юга	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. Земля благовоний	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Совет вождей	14
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Вызов	17
ГЛАВА ПЯТАЯ. Две мишени	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рыжая шпионка Хатшепсут. Том III. Дорога на восток

Олег Голиков

© Олег Голиков, 2026

ISBN 978-5-0071-3679-2 (т. 3)

ISBN 978-5-0070-9529-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РЫЖАЯ ШПИОНКА ХАТШЕПСУТ ТОМ 3

Дорога на восток

ГЛАВА ПЕРВАЯ. К югу от юга

Нубийские воды остались за кормой, когда солнце в третий раз поднялось над горизонтом, окрашивая море в багровые и золотые тона. Ветер был попутным, и судно скользило по воде с лёгкостью, которая бывает только у хорошо построенных судов. У всех пяти кораблей на каждом борту было по десять гребцов, но сейчас вёсла не были задействованы и лежали вдоль бортов. Паруса делали свою ветренную работу. «Странствующий Баби», тот самый, на котором когда-то Тия путешествовала в Мемфис, теперь нёс её на юг, к легендарной стране Пунт, откуда привозили мировые деревья, чёрное дерево и экзотических животных.

Тия в льняной тунике цвета морской волны, подпоясанной узким кожаным ремнём с серебряной пряжкой, стояла на носу, вглядываясь в убегающие берега. Медно-рыжие волосы, слегка выгоревшие на солнце, она забрала в высокий хвост и перевила синей лентой, чтобы ветер не трепал их. На поясе, в специальном кармашке, покоился лазуритовый скарабей — талисман, с которым она теперь не расставалась. Солнце припекало, но Тия не обращала на неё внимания, потому что мысли то и дело разбегались, и Тие то и дело приходилось собираться и концентрировать их на чем-то важном.

Рядом с ней, положив рядом черный посох, сидел Ра'уф на большом и мягком мешке. Слепой старик был одет в простой льняной схенти и широкий плащ из грубой верблюжьей шерсти, который должен был защитить от ночного холода. Его морщинистое лицо было повернуто к ветру, с которым, казалось, он разговаривает, улавливая голос каждой волны.

— Ты думаешь о ней, — сказал он. Это был не вопрос, а утверждение.

— Думаю, — ответила Тия, не отрывая взгляда от горизонта. — О том, что она скажет, когда увидит меня. О том, узнает ли. О том, захочет ли обнять.

— Узнает, — твёрдо сказал Ра'уф. — Мать всегда узнаёт своё дитя. Даже если прошло много лет. И обнимет.

— А ты, учитель, — спросила она, — ты не жалеешь, что поехал со мной? Оставил Фивы, свой дом у сокровищницы?

— Жалею? — Ра'уф усмехнулся. — Мне нечего жалеть. Моя родина там, где я нужен. А сейчас я нужен тебе.

Он помолчал, потом добавил:

— И потом, я хотел услышать волны. Слепому видеть не положено, но я хотел их почувствовать. Ветер, влагу, простор. Теперь я чувствую.

Тия улыбнулась, и впервые за долгое время улыбка её была лёгкой, почти беззаботной.

— Ты необычный человек, учитель.

— Я старый, — поправил он. — Старость делает людей необычными. Или не делает, если человек и в молодости был обычным. — Старик засмеялся так озорно, как никогда раньше Тия не слышала, — Представил тебя в старости — вот уж необычней не бывает!

Тия тоже звонко рассмеялась. В этот момент сзади раздались шаги. К ним подошёл капитан Хнумхотеп, коренастый мужчина с обветренным лицом и руками, покрытыми татуировками в виде рыб и волн.

— Госпожа, — сказал он, прижимая руку к груди. — Через двенадцать дней будем на месте, если ветер не переменится. Команда работает, ветер в паруса, припасов вдоволь. — Он немного замаялся. — Есть только одна странность.

— Что за странность? — спросила Тия, поворачиваясь к нему.

— Ночью на причале, когда шла загрузка, подходил незнакомец. Интересовался о нашем маршруте, о том, сколько людей на борту. Я тогда не придавал значения, но теперь думаю — может, зря.

Тия нахмурилась.

— Ты запомнил его лицо?

— Не очень. Он был в плаще, капюшон низко надвинут. Но говорил по-египетски с акцентом. Может, нубиец, может, с севера. Я усилил стражу на всякий случай.

— Спасибо, капитан. И предупреди команду: пусть будут внимательны.

Хнумхотеп кивнул и ушёл, отдавая распоряжения. Тия повернулась к Ра'уфу.

— Что думаешь?

— Думаю, что тот убийца, который стрелял в тебя на стройке, был не последним. — Голос старика стал жёстким.

— Но кто? Жрецы? Они сидят тихо после того, как их главу сослали.

— Жрецы, военные, торговцы, нубийцы, которым ты перешла дорогу. У тебя много замечательных врагов, Тия. Ты просто не привыкла считать.

Она вздохнула.

— Буду осторожна.

— Будь, — посоветовал Ра'уф. — И спи, держа нож поблизости.

Едва старик договорил, как к ним подошёл, вернее, подкатился Нехси. Гениальный казначей был сам на себя не похож. Обычно румяное лицо государственного мужа было серозелёным. Он не выпускал из рук толстый конопляный канат.

— Госпожа Тия, — молвил он, глядя на девушку потухшими глазами, — Надеюсь, моё присутствие сегодня не будет важным и необходимым. Очень нелегко мне даётся эта качка.

— Не волнуйтесь, господин Нехси, — Вошла в его положение Тия. — Постарайтесь уснуть и проспять как можно дольше. Это наверняка вам поможет. Всё будет под контролем.

Охая, сутулясь и раскачиваясь, Нехси проследовал в небольшой, специально для него оборудованный домик на палубе и затих.

Ночь опустилась на море внезапно, как это часто бывает в южных широтах. Звёзды зажглись одна за другой, и их отражения в спокойной воде создавали иллюзию, что корабль плывёт по небу. Тия лежала в своей каюте, маленьком закутке на корме, отгороженном циновками, и не могла уснуть. В ушах шумели волны, где-то скрипели доски, и этот ритмичный шум убаюкивал, но мысли не отпускали.

Она слышала шаги Ра'уфа — он никогда не спал подолгу, бродил по кораблю, прислушивался к ночным звукам. Она слышала, как он остановился у борта, как долго стоял неподвижно, и потом, когда шаги удалились, почувствовала, что может наконец уснуть.

И тут раздался крик.

Короткий, сдавленный, оборвавшийся так же внезапно, как и начался. Тия вскочила, выхватывая из-под подушки нож. Пригнувшись, она скользнула к выходу, отодвинула шторку и выглянула наружу.

На палубе царил суматоха. Два матроса стояли над кем-то, лежащим на досках, третий держал лампаду. В его дрожащем свете Тия увидела распростёртое тело в тёмной одежде. Лица не было видно — оно было закрыто капюшоном, но из-под капюшона на доски натекла тёмная, почти чёрная лужа.

— Что случилось? — спросила Тия, выходя на палубу.

Матросы расступились. Хнумхотеп стоял в стороне, бледный, сжимая в руке короткий меч.

— Этот, — он указал на тело, — оказывается пробрался на корабль. Когда только успел? Спрятался в трюме. Вышел ночью, хотел... хотел, наверное, до тебя добраться.

— Это ты его остановил?

— Старик, — сказал один из матросов, с уважением указав на Ра'уф. — Слепой шёл по палубе, а этот выскочил на него с ножом, а он... он просто отбил удар, схватил его за горло и сломал. Как сухую ветку.

Тия посмотрела на Ра'уфа. Старик стоял у борта, опираясь на посох, с совершенно спокойным лицом, будто ничего не произошло.

— Учитель? — позвала она. — Ты в порядке?

— Мне-то что сделается! — проворчал Ра'уф. — А вот этот — наёмник, профессионал. На поясе у него кошель с серебром и кинжал с храмовым клеймом. Или опять жрецы или те, кто за ними стоит.

— Он ничего не сказал? Кто его послал?

— Он не успел, — ответил Ра'уф. — Я был очень быстр... — он повернул руку ладонью вверх, — Но я чувствую, что это не последний. Они будут слать ещё, пока не поймут, что мы неуязвимы.

Тия подошла к телу, опустилась на корточки. Наёмник был молод, лет тридцати, с грубым лицом и сильными руками. На шее — странный амулет: змея, кусающая свой хвост. Тия сняла его, повертела в руках.

— Ты знаешь этот знак? — спросила она, показывая амулет Ра'уфу, хотя знала, что он не видит.

— Змея Уроборос, — ответил старик. — Символ вечности, но у некоторых нехороших людей — символ тайных убийц. Мне известно, что такие амулеты носят люди из одного фиванского братства, которых нанимают для грязной работы.

— Значит, кто-то в Фивах не хочет, чтобы я добралась до Пунта.

— Или до Вавилона. Или вообще до чего-либо.

Тия встала, вытерла руки о тряпицу, которую подал ей матрос.

— Обыщите его, — приказала она. — Всё, что найдёте, принесите ко мне. Тело... сбросьте за борт с молитвой Анубису. Все же человек был.

Хнумхотеп кивнул, отдал распоряжения. Тия подошла к Ра'уфу.

— Спасибо, учитель. Если бы не ты...

— Если бы не я, ты бы проснулась от его ножа у своего горла, — закончил он. — Поэтому я здесь.

Она положила руку на его плечо, чувствуя под тканью жёсткие мышцы, которые не сдались даже времени.

— Мы должны быть осторожнее, — сказала она.

— Мы будем очень осторожны, — ответил он. — Иди спать, девочка. Я посторожу.

Тия не стала спорить. Она вернулась в каюту, легла, положив нож под руку, и долго смотрела в темноту, слушая, как за тонкой циновкой мерно ходит старик, охраняя её сон. Она закрыла глаза и провалилась в тяжёлый, тревожный сон, полный змей, кусающих свои хвосты, и теней, скользящих по воде.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Земля благовоний

Земля Пунт открылась путешественникам на рассвете пятого дня плавания. Первым её заметил дозорный. Его крик «Пунт!» разбудил даже тех, кто спал после ночной вахты. Тия выбежала на палубу, шурясь от яркого солнца, и замерла, поражённая открывшейся картиной.

Берег, к которому они приближались, был совсем не похож на египетский. Вместо привычных пальм и чёрных полос плодородной земли, оставленных разливом Нила, здесь вздымались холмы, покрытые густой зеленью, а за ними, дальше, угадывались горы, чьи вершины терялись в облаках. Вдоль побережья тянулись рощи странных деревьев с искривлёнными стволами, из которых, как знала Тия по рассказам купцов, добывали мирру и ладан. Воздух был наполнен не только солёным дыханием моря, но и сладковатым, чуть терпким ароматом смол и цветущих кустарников.

Но самое удивительное открылось, когда караван из пяти кораблей подошёл ещё ближе к берегу. Береговая линия здесь была не сплошной, а разделённой узкой полосой воды, за которой угадывался другой берег. Пролив, как позже объяснил Тие старый кормчий, назывался в этих местах «Врата слёз». Здесь удивительное море очень сильно сужалось, и два берега смотрели друг на друга, разделённые стремительным течением.

На палубе, раздвигая локтями матросов, с оханьем и вздохами появился совершенно измождённый Нехси. Медленно переставляя ноги, он остановился возле Ти.

— Пунт, — сказал он тихо, показывая рукой на оба берега, — это не одна страна, госпожа. Это разные земли, раскинувшиеся по обе стороны пролива. Там, — он кивнул на юго-запад, где за холмами угадывались высокие горы, — живут собиратели ладана и мирры. А там, — он повернулся к северо-востоку, — купцы, которые везут эти товары дальше, в Вавилон и земли хеттов.

Тия смотрела то на один берег, то на другой, и в душе её росло удивление. Она не ожидала, что большая земля, о которой она слышала, как о едином царстве, окажется такой разделённой и многоликой.

— И где мы будем причаливать? — недоумевая спросила она.

— Судя по толпам зевак, нас ждут на свободных причалах по обоим берегам, — ответил капитан. — Вот и лодки для сопровождения подходят.

Тут и Нехси взбодрился, увидев в лодках вооружённых копьями воинов:

— Давайте покажем, что пришли с миром ко всем жителям Пунта, проследуем за ними. Я уверен, что они к нам с добром.

Тия кивнула капитану — на корабле он хозяин, пусть поступает, как предусмотрено морскими законами.

— Командуйте, капитан Хнемхотеп, — сказала она.

Капитан поклонился и пошел отдавать распоряжения.

Берег, к которому причалили корабли, оказался холмистым и зелёным. На возвышенностях росли те самые деревья, из которых добывали ладан — корявые, с растрескавшейся корой, с беловатой смолой, сочившейся из трещин. Вокруг них вился пряный, дурманящий аромат, смешанный с запахом морской соли и нагретой земли.

Вскоре после высадки представителей головного корабля в сопровождении вооружённых воинов, на берегу появились представители земли Пунта. Их было немного — человек десять, не больше. Они шли без оружия, с пустыми руками, и это был добрый знак. Впереди, под лёгким навесом из разноцветных тканей, которые несли четверо слуг, шёл полноватый мужчина с

короткими седыми волосами. Он суетливо поправлял светлую материю, переброшенную через плечо. К его поясу у него был прикреплен кожаный мешочек, на шее покачивалась тяжелая золотая цепь.

Это вряд ли был владыка этих мест, поняла Тия, а всего лишь один из начальников, которому поручили подготовить встречу посланников царицы Хатшепсут. Он приветствовал Нехси и Тию жестом, прижав руку к груди, и произнёс несколько слов на языке, который Тия уже начинала понимать.

— Мы рады встречать вас в нашей великой стране Пунт, посланники великой царицы Хатшепсут. Мы рады видеть всех ваших людей. По приказу нашего повелителя для вас и ваших жен установлены палатки, по обе стороны моря. Всё готово к встрече с властителем этой земли.

Тия удивилась словам о «жёнах», но быстро поняла, что так пунтийцы называли всех женщин экспедиции, независимо от их статуса. Она поклонилась в ответ, стараясь соблюсти местный этикет. Посмотрев на Нехси, она ответила на одном из языков Пунта:

— Мы благодарим вас за гостеприимство и будем рады ответить вам искренностью и щедрыми дарами.

Чиновник суетливо кивнул и жестом пригласил следовать за ним.

Палатки, о которых он говорил, были установлены на небольшом возвышении на берегу, откуда открывался вид на пролив и на оба берега. Это было удобное, стратегическое место — отсюда можно было видеть корабли, стоящие на якоре, и наблюдать за прибытием и движением караванов. Палатки были просторными, из плотной, пропитанной чем-то ткани, защищающей от солнца и ветра. Внутри — циновки, низкие столики, кувшины с водой и вином. Всё просто, но с достоинством.

Нехси остался у корабля проследить за разгрузкой подарков для властителей Пунта, а Тия обошла лагерь, проверила, как разместились люди. Матросы и воины были довольны — им выдали свежие лепёшки, финики и козье молоко. Ра'уф приютился у входа в одну из палаток, и, казалось, был совершенно спокоен.

— О чём ты думаешь, учитель? Тебя что-то беспокоит? — Спросила Тия, присаживаясь рядом.

— Думаю, что они встретили нас по обычаю, но не более того, — ответил он. — По тону их голосов я услышал настороженность. Они не доверяют чужеземцам, и особенно тем, кто приходит с таким большим караваном.

— Мы пришли с миром, с подарками, с товарами для торговли, — сказала Тия.

— Они этого ещё не знают, — возразил Ра'уф. — Для них мир — это когда сосед не нападает три года подряд. А мы для них — чужаки, которые разбили их объединённые войска и теперь пришли с другой стороны моря.

Тия вздохнула. Она знала, что старик прав. Путь к доверию будет долгим, и начинаться он должен с малого — с уважения к обычаям, с терпения, с готовности слушать и слышать.

Какое-то время спустя со стороны города начал доноситься шум и возникла какая-то суeta. Шум становился все сильнее и громче. Наконец появилась большая процессия с отрядом вооруженных стражников и рабами, несущими две особы на роскошных носилках.

Группа приблизилась к палаткам — их было человек двадцать, не меньше. Тут же мастерски был установлен лёгкий навес из разноцветных тканей и с носилок сошли мужчина и женщина. Мужчина был высок, широкоплеч, с кожей цвета тёмной бронзы и длинными, заплетёнными в множество тонких косичек волосами, уложенными на затылке в замысловатую причёску. На нём была набедренная повязка из белоснежной ткани, расшитая золотыми нитями, и широкий пояс с бронзовыми бляхами. На шее — массивное ожерелье из нефрита и

сердолика, а на голове — повязка из леопардовой шкуры, что говорило о его высоком статусе. Рядом с ним стояла женщина, чья внешность поразила Тию ещё до того, как она сошла с носилок. Она была не просто полной — она была огромной, с пышными формами, которые считались в Пунте эталоном красоты и богатства. Её смуглая кожа отливала красноватым оттенком, а волосы, уложенные в невероятно высокую причёску, напоминавшую башню, убраны под сетку из золотых нитей. Платье из тончайшей, почти прозрачной ткани, расшитое бисером, а на руках и ногах — множество браслетов, которые позвякивали при каждом её движении. Это была царица Ати, правительница Пунта, а высокий мужчина, прибывший с ней, был её муж, царь Пареху.

Царь сделал шаг вперёд, прижал руку к груди и произнёс приветствие.

— Добро пожаловать в землю Пунт, посланники великой царицы Хатшепсут. Нам доложили о вашем прибытии. Специально для вас приготовлен дом, достойный тех, кто пришёл с миром.

Тия, благодаря урокам Ра'уфа и долгим тренировкам, отлично всё поняла и ответила на том же языке, старательно выговаривая слова, чтобы не оскорбить хозяев неправильным произношением.

— Мы благодарим вас, великий царь, и вашу супругу, прекрасную царицу Ати. Мы привезли дары от нашей повелительницы Хатшепсут и надеемся, что не слишком вас обеспокоим своим присутствием.

На лице Пареху отразилось удивление — он явно не ожидал, что посланница так хорошо владеет его языком. Он жестом пригласил гостей следовать за ним. Тут же процессия двинулась медленно, чинно в сторону города. К процессии во время следования присоединился запыхавшийся Нехси, что-то беспрестанно бормоча себе под нос. Стражники направо и налево разгоняли толпы людей, проявлявшихся на пути царственных особ.

Гостевой дом, выделенный для Тии находился совсем недалеко от палаток, на соседнем пологом холме. С него открывался вид на море и город, видно было, как воины с кораблей прохаживались вдоль палаток, то и дело вступая в разговор с местными красавицами. Здание было крепким строением из камня и дерева, с плоской крышей и внутренним двориком с небольшим фонтаном. Внутри, несмотря на кажущуюся простоту, было удобно и даже роскошно: мягкие диваны, покрытые яркими тканями, резные столики, на которых стояли вазы со свежими цветами, и мягкие циновки, вытканые замысловатыми узорами.

Тию, Нехси и Ра'уфа провели в главную комнату, где уже были приготовлены угощения: фрукты, лепёшки, кувшины с прохладной водой и сладким вином. Смуглые служанки в белых полосках ткани, которую здесь называли одеждой, бесшумно двигались вокруг, наполняя чаши и поправляя подушки.

— Мы устроим большой совет через два дня, — сказал Пареху, когда все разместились. — За это время вы сможете отдохнуть после долгого похода и подготовиться. Вожди наших племён уже в пути и придут к этому сроку. Ваши люди могут со всеми удобствами размещаться в приготовленных для них шатрах (так он назвал установленные платки).

— Благодарю вас, ваше величество. Мы не устали, и готовы к работе в любой момент, — ответила Тия.

Царица Ати, до сих пор молчавшая, вдруг подала голос. Её голос был низким, грудным, с лёгкой хрипотцой.

— Ты очень молода, посланница, — сказала она, и в её глазах, огромных, чёрных, с длинными ресницами, светилось любопытство, смешанное с недоверием. — Нам говорили, что царица Египта отправила кого-то важного, но... ты почти девочка.

Тия выдержала её взгляд.

— Возраст не всегда определяет мудрость, великая царица. — Тия поправила на пальце перстень Хатшепсут, подтверждающий её полномочия, — Я говорю от имени моей повелитель-

ницы, и мои слова — её слова. Кроме того, господин Нехси, главный казначей нашей страны и один из руководителей этой экспедиции, всегда готов к обсуждению любых вопросов и тем, связанных с сотрудничеством и торговлей.

Тия повернулась к Нехси и сделала ему полупоклон вежливости.

Ати усмехнулась, но ничего не сказала. Пареху поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

— Сегодня вам нужен отдых, — сказал он. — Завтра мы поговорим о делах. А пока наслаждайтесь нашим гостеприимством.

Когда хозяева ушли, Тия опустилась на диван и выдохнула.

— Они не доверяют тебе, — сказал Ра'уф, садясь рядом. — Я чувствую это. Для царицы Ати ты вроде забавной игрушки. Царь Пареху был вежлив, но насторожен.

— Их понять можно, мы ведь бывшие враги, — ответила Тия. — Но у нас есть два дня, чтобы убедить их в наших добрых намерениях. И совет, на котором я должна буду доказать, что достойна говорить от имени Египта.

— В общем-то я не сомневаюсь, что ты сможешь убедить их в чистоте наших помыслов, — спокойно сказал Ра'уф. — И доказать, что царица не просто так доверяет тебе такие сложные переговоры. В конце концов, ты всегда побеждаешь.

— Самое важное для нас — это убедить их в том, что путь торговли и обмена знаниями намного полезнее недоверия и войн. — Скороговоркой проговорил Нехси и тут же запустил руку в поднос с лепёшками.

Тия посмотрела в окно, где за холмами угадывались горы, покрытые лесом, и подумала о том, что впереди самое трудное — заставить чужих людей, с чужими обычаями и чужими богами, поверить, что женщина может представлять фараона и говорить от его имени.

Вечером, когда солнце село и на небе зажглись первые звёзды, Тия вышла во внутренний дворик. Здесь пахло жасмином и чем-то ещё, неуловимым, сладким. В фонтане тихонько журчала вода, на тёплых камнях, свернувшись клубком, лежала ящерица с изумрудной спиной и лениво дышала.

Упрямо наклонив голову вперёд, она вернулась в комнату и легла спать. Переговоры, советы, интриги, всё будет завтра, а сейчас — отдых. Сон... и еще один спокойный день перед бурей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Совет вождей

Два дня, отведённые на отдых и подготовку, пролетели незаметно. Тия провела их в напряжённой работе: встречалась с купцами, прибывшими из разных областей Пунта, расспрашивала их о ценах на товары, об обычаях местных племён, о сильных и слабых сторонах их вождей. Она училась различать интонации и жесты, понимать, когда ей говорят правду, а когда лгут из вежливости или из страха. Ра'уф, сидя в тени внутреннего дворика, наставлял её, вспоминая свои молодые годы, когда он сам ходил с караванами в эти земли.

— Главное — не спеши, — говорил он, перебирая чётки. — В Пунте не любят суеты. Слово должно быть взвешенным, как мешок золота на весах. И никогда не перебивай старшего, даже если он не прав. Дай ему договорить, только потом соглашайся или возражай. Терпение здесь ценят больше, чем красноречие.

— А если меня спросят о том, чего я не знаю? — спросила Тия.

— Отвечай, что согласишься у царицы и пришлешь ответ с гонцом. Это не слабость, это уважение к их важности. Они поймут. В крайнем случае, переадресовывай вопросы Нехси, — Ра'уф услышал шаги входящего казначея и, улыбнувшись, повернул голову в его сторону.

— Да-да, я здесь, — отозвался Нехси, ускоряя ход.

Тия тоже умиротворенно улыбнулась и слегка расслабилась.

На вторую ночь Тия почти не спала. Она продиктовала писцу послание к царице и велела срочно его отправить. В письме кратко сообщалось следующее: «Разбили палатки для представителя царицы и всей экспедиции, по обе стороны моря, готовые к встрече властителей этой земли».

Затем она сидела у окна, глядя на звёзды, и повторяла про себя приветственную речь, которую готовила для совета. Рядом, на подушке, спала разноцветная кошка, которая пришла в её покои утром второго дня и теперь все время проводила с ней. Тия погладила её тёплую шерстку и подумала о том, что даже животные чувствуют её тревогу и стараются утешить.

Утром, когда солнце только поднялось над горами, окрасив их вершины в розовый цвет, во дворе собрались многие из посольства. Жрецы принесли жертвы богам и провели обряд богу Амону. Настроение у всех было приподнятое, ощущалась легкая нервозность. Вскоре за посольством прибыли провожатые. Это были молодые воины в набедренных повязках из леопардовых шкур, с копьями в руках и бронзовыми браслетами на запястьях. Они низко поклонились Тие и жестом пригласили следовать за ними.

Тия тут же вызвала помощника и казначея своего посольства и дала им короткие указания насчет подарков для царя Пареху, царицы Ати и четырнадцати вождей племен всех земель Пунта. В сопровождении Ра'уфа, двух жрецов, нескольких воинов с мечами и рабов с подарками процессия выдвинулась ко дворцу совета.

Место совета находилось в центре города, в большом каменном здании, которое местные жители называли Домом Говорящих. Это было одно из немногих сооружений в Пунте, сложенное из тёсаного камня, а не из дерева и глины. Стены его были украшены резьбой, изображавшей сцены охоты и сбора благовоний, а перед входом стояли два огромных столба, увенчанных фигурами священных птиц с расправленными крыльями.

Внутри Тию встретил полумрак и сладковатый запах, такой густой, что в первые мгновения перехватывало дыхание. Пол был выложен каменными плитами, поверх которых местами были разостланы циновки из пальмовых листьев. Вдоль стен, на низких помостах, уже сидели вожди — человек двадцать, не меньше. Все они были в богатых одеждах: набедренных повяз-

ках из тонкой ткани, расшитых золотом и бисером, с массивными ожерельями из лазурита, сердолика и слоновой кости. Некоторые носили высокие головные уборы из страусовых перьев, другие — повязки из леопардовых шкур, что указывало на их ранг и военные заслуги.

В центре, на самом высоком помосте, восседали царь Пареху и царица Ати. Царь сегодня был облачён в белую набедренную повязку и широкий плащ из тёмно-синей ткани, расшитой золотыми звёздами. На его голове красовалась тиара из золота и лазурита, а в руке он держал скипетр из чёрного дерева, увенчанный внушительной фигурой темно-серого слона. Царица Ати блистала в платье из тончайшей ткани цвета спелого граната, которое облегалo её пышные формы и ниспадало до самых щиколоток. На её шее сверкало массивное ожерелье из золотых пластин и драгоценных камней, а на пальцах — десятки колец, позвякивающих при каждом движении. Её знаменитая причёска, похожая на башню, убрана под сетку из золотых нитей и украшена перьями экзотических птиц.

Тия остановилась на мгновение, чтобы оглядеться. На ней было платье из тонкого белого льна, расшитое золотыми лотосами по подолу и рукавам. Рыжие волосы убраны в высокую причёску, перевитую золотой лентой, на шее — изумрудное ожерелье, на пальце — перстень с печатью царицы. Справа рядом с ней, опираясь на посох, шёл Ра'уф, одетый в простую, но дорогую накидку из тёмно-синей шерсти. Слепые глаза его были обращены прямо на царя, и казалось, что он видит его лучше, чем все зрячие в этом зале. Слева шли казначей Нехси и главный жрец миссии, оба в самых богатых своих одежде. Следом за ними шли помощники и замыкали процессию рабы с корзинами и ящиками с подарками, золотом и украшениями.

— Великий царь Пареху, прекрасная царица Ати, вожди племён земли Пунт, — начала Тия, низко поклонившись. — Я приветствую вас от имени моей повелительницы, царицы-фараона Хатшепсут, Владычицы Верхнего и Нижнего Египта, Возлюбленной Амона. Она отправила меня к вам с миром и дружбой, и я надеюсь, что наш разговор принесёт пользу всем нашим народам.

Она говорила на языке Пунта, старательно выговаривая каждое слово, и вожди, сидящие в зале, зашептались, удивлённые тем, что чужеземка так хорошо владеет их речью. Царь Пареху кивнул, приглашая её продолжать.

— Моя повелительница, — Тия подошла к длинному столу, стоящему в центре зала, и развернула свёрток с дарами, — дарит вам эти знаки своей дружбы.

Тут же подкатился Нехси и помог стянуть расшитое покрывало с даров. Помимо золотых браслетов, которые выложила Тия с краю, из-под покрывала показались тонкие льняные ткани, расшитые замысловатыми узорами, амулеты, бронзовые таблички с божественными письменами и изображениями крылатого скарабея — символа вечной жизни. Вожди переглядывались, рассматривая дары. Царица Ати взяла один из браслетов, поднесла к свету, и её глаза, огромные, чёрные, загорелись алчным блеском.

— А что вы хотите получить взамен? — спросил один из вождей, старый, с седой бородой, заплетённой в тонкие косички.

— Мы хотим торговать, — ответила Тия. — Мы хотим покупать у вас благовония, чёрное дерево, слоновую кость и экзотических животных для садов царицы. А взамен мы будем давать вам золото, ткани, оружие и ремесленников, которые смогут научить вас новым ремёслам.

— Торговля — это хорошо, — сказал другой вождь, помоложе, с лицом, изрезанным шрамами. — Но почему царица Египта прислала женщину? Это дело мужчин. Где её военачальники? Где её писцы?

В зале повисла тишина. Тия почувствовала, как десятки глаз впились в неё — оценивающе, недоверчиво, враждебно. Царь Пареху молчал, и его молчание было красноречивее любых слов.

— Потому что моя повелительница доверяет женщинам, — спокойно ответила Тия, выдерживая взгляд говорившего. — И потому что я говорю её голосом. Мои слова — её слова.

Мои обещания — её обещания. Если вы сомневаетесь во мне, вы сомневаетесь в ней. Кроме того, с нами прибыл главный казначей царицы Хатшепсут господин Нехси. Он имеет полное право решать любые возникающие вопросы и наделен всеми полномочиями для ведения любых переговоров наряду со мной.

Вождь с седой бородой покачал головой.

— Мы не сомневаемся в твоей царице. Мы слышали о её подвигах. Но ты... ты слишком молода и слишком неопытна, чтобы вести такие переговоры. Где твои воины? Где твоя свита? Мы видим только старика с палкой, разодетого жреца и невнятного толстяка. Рабы не в счет, они не свита. Жрец при таких словах недовольно сморщился и отступил на шаг назад.

Ра'уф, стоящий у двери, чуть заметно усмехнулся, но промолчал. Нехси, видя, что переговоры получили неожиданное препятствие, решил было вступить в диалог с седобородым вождем и Тия уже открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент из задних рядов поднялся человек, которого она не заметила сразу. Высокий, с широкими плечами, в накидке из леопардовой шкуры, с лицом, изрезанным глубокими морщинами. В его глазах, маленьких, чёрных, светилась не враждебность, а что-то другое — уважение, смешанное с любопытством.

— Я знаю эту девушку, — сказал он, и голос его, низкий, с хрипотцой, разнёсся по всему залу. — Я видел, как она умеет стоять за себя в бою. Я видел, как она выстояла и выжила в плену. Я знаю, как она защищала свой храм от тех, кто хотел его разрушить.

Это был Арбааб. Великий вождь, тот самый, который когда-то держал Тию в темнице, а потом, был побеждён Хатшепсут и признал власть Египта. Теперь он стоял перед ней, и в его взгляде не было ни злобы, ни презрения — только суровая, мужская признательность.

— Если она говорит от имени царицы, значит, она говорит правду, — продолжил Арбааб, обводя взглядом собравшихся. — Я поручился за неё. И я советую вам прислушаться к её словам.

В зале снова зашептались, но теперь в этих шёпотах слышалось не недоверие, а недоумение. Арбааб был уважаемым человеком, его слово имело вес. Если он поручился за чужеземку, значит, она действительно чего-то стоила. Но чего?

Царь Пареху поднял руку, призывая к тишине.

— Мы продолжим переговоры завтра, — сказал он. — А сегодня — пир в честь наших гостей. Пусть все готовятся. Это будет достойное зрелище.

Тия поклонилась и, сопровождаемая взглядами вождей, вышла из зала. На улице, под палящим солнцем, она остановилась, прислонившись к каменной стене.

— Ты была великолепна, — сказал Ра'уф, подходя к ней.

— Они не верят мне, — ответила она. — Они смотрят на меня как на девчонку, которая приехала поиграть во взрослые игры.

— Потому что они тебя не знают, — возразил старик. — Но Арбааб знает. И его слово — это твой щит. Не переживай, первый шаг сделан, и ты не оступилась. Нас ждёт пир, и на пиру мы должны быть веселы и дружелюбны, даже если внутри нас гложет тревога. Да, и проголодался я, честное слово, могу собаку пунтовскую съесть.

Тия выпрямилась, поправила платье и улыбнулась. А улыбка была такая, что сразу становилось ясно — она справится.

— Ну, умеешь ты подбодрить, учитель.

Она взяла его под руку, и они пошли обратно в гостевой дом, где их уже ждали служанки с кувшинами прохладной воды и ароматными маслами. Впереди был пир, а за пиром — новые испытания. Было понятно, что самое трудное ещё впереди.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Вызов

Пир, устроенный в честь посольства, длился до глубокой ночи, но Тия не помнила ни вкуса еды, ни звуков музыки. Мысли её были заняты другим — взглядами вождей, их недоверчивыми улыбками, их оценивающими шёпотами. Она чувствовала, что завтрашний день принесёт нечто большее, чем просто переговоры. Что-то, что проверит её не только как посла, но и как человека.

Утром, едва солнце позолотило вершины гор, за посольством пришли. Не провожатые с копьями, а трое старейшин в белых одеждах, с посохами из чёрного дерева и лицами, напоминающими маски. Они молча поклонились Тие и жестом пригласили следовать за ними. Тия было собралась позвать с собой Нехси и Ра'уфа, но главный из старейшин тотчас вытянул руку ладонью к ней и отрицательно покачал головой из стороны в сторону: «Нет». Она должна была идти одна.

Её сопроводили в тот же Дом Говорящих, где накануне заседал совет. Но теперь зал был почти пуст — только царь Пареху, царица Ати и несколько старейшин сидели на помостах, глядя на неё с тем же выражением, с которым смотрят на подопытное животное, готовое к испытанию.

— Мы думали всю ночь, — начал царь Пареху, когда Тия опустилась на колени перед ним. — Твои слова красивы, посланница. Но слова — это ветер. Он дует и улетает, не оставляя следа. Мы хотим видеть не слова, а дела.

Тия подняла голову.

— Какие дела, великий царь?

— Ты говоришь, что твоя повелительница Хатшепсут сильна. Что она воин, правитель, строитель. Но ты — её посланница. Ты должна доказать, что достойна говорить от её имени. — Он помолчал и потупил глаза, в которых мелькнуло что-то похожее на оправдание. — Таков наш обычай, посланница.

— Я понимаю, — тихо сказала Тия. — Что я должна сделать?

Царица Ати поднялась, и её низкий, грудной голос громко прозвучал в тишине зала.

— Многие племена нашей страны живут охотой. Они могут целыми днями выслеживать зверя, чтобы добыть его для своих людей. Иногда на нас нападают дикие племена, живущие по своим законам, и с ними приходится сражаться. Поэтому в нашей стране больше всего ценятся мужская сила, ловкость и меткость. Когда происходят такие важные события, как сейчас, и в Пунте собираются представители разных племен, мы проводим различные состязания. В них участвуют воины и охотники, чтобы определить лучших из лучших. По традиции проводятся несколько испытаний. Обычно это стрельба из лука, метание ножа и... — она замаялась, глядя на мужа. — И битва мудрецов. Не всё решается силой, посланница. Так ведь? Иногда ум важнее мышц.

— Я согласна, — сказала Тия, не раздумывая. — Когда?

— Завтра на рассвете, — ответил Пареху. — На площади перед дворцом. Весь город будет смотреть. Если ты победишь, твоё слово будет весить столько же, сколько слово любого из наших вождей. Если нет... — он развёл руками, — если нет, ты вернёшься в Египет с пустыми руками. Ты можешь выставить вместо себя любого воина из твоего окружения, это не запрещено.

Тия поклонилась.

— Спасибо за великую честь, ваше величество, я, с вашего позволения, буду готова сама.

Она вышла из зала, чувствуя, как дрожат колени, но шла прямо с высоко поднятой головой. Ра'уф и Нехси ждали её у входа. Один опирался на посох, второй заботливо скороговоркой спросил:

— Ну? Что там?

— Три испытания, — ответила Тия. — Завтра на рассвете. Лук, нож и битва мудрецов.

— Битва мудрецов? — Ра'уф нахмурился. — Это еще что такое?

— Царица Ати предложила. Говорит, ум всегда важнее мышц.

— Умная женщина, — усмехнулся старик. — Не зря она правит вместе с мужем.

Они пошли обратно в гостевой дом. По пути Тия молчала, перебирая в голове всё, что знала о стрельбе из лука и метании ножа. Она была хороша в этом, но не идеальна. Ра'уф учил её точности, но состязаться с воинами, которые с детства держат оружие в руках, было страшно. Нехси всю дорогу цокал языком, что-то беспрестанно бормоча.

— Сдаётся мне, ты боишься, девочка, — сказал Ра'уф, когда они вошли во внутренний дворик.

— Да, — честно призналась Тия. — Очень.

— Это хорошо. Страх заставляет собраться. Если бы не боялась, ты бы проиграла.

— У нас двести отборных воинов, каждый из которых может показать, как надо по-настоящему владеть оружием. — Вдруг отважно предложил Нехси.

— Увы, не наш вариант. Вернее, не мой, — сказала Тия. — Они специально для меня это придумали. Мне никак нельзя отказаться.

Она опустила на циновку, обхватив колени руками.

— Что мне делать, учитель?

— Вспоминать, чему я тебя всегда учил. У нас есть целая ночь. Этого достаточно, чтобы напомнить глазам и рукам о том, зачем они вообще тебе нужны. Но сначала — ужин. На голодный желудок стрелы летят криво. Что-то кухня наших гостеприимных хозяев мне не очень понравилась. Мясо оленя, мясо быка, мясо барана, мясо обезьяны, мясо слона... Для меня это слишком.

Они поужинали во флигеле внутреннего дворика, где служанки накрыли низкий стол лепёшками, сыром, финиками и кувшином прохладного козьего молока. Тия ела без аппетита, но заставляла себя — Ра'уф был прав, силы нужны были не только мышцам, но и духу.

А потом через задние ворота они вышли на берег, где волны тёплого моря лениво накачивали на песок, оставляя на нём полосы пены и обломки раковин. Здесь, вдали от любопытных глаз, можно было тренироваться без свидетелей.

Ра'уф достал из мешка, который прихватил с собой, несколько метательных ножей и небольшой лук — не боевой, а тренировочный, с тугой тетивой и лёгкими стрелами.

— Начнём с ножей, — сказал он. — Твоя рука помнит?

Тия взяла нож, взвесила на ладони. Он был хорошо сбалансирован, с деревянной рукоятью, утяжеленной медными пластинами и обмотанной сыромятной кожей, и узким, остро наточенным лезвием. Она сделала несколько пробных движений, привыкая к весу.

— Помню, — ответила она.

— Тогда покажи.

Ра'уф отошёл на несколько шагов, остановился и, вытянув руку, указал на песок.

— Наверняка здесь должны быть раковины. Видишь ли ты какую-нибудь побольше?

— Вижу.

— Отойди на десять шагов и попади в неё.

Тия замерла, сосредоточилась. Рука с ножом плавно пошла назад, потом вперёд, и нож, сверкнув в тусклом свете круглой Луны, вонзился в песок в двух пальцах от раковины.

— Не попала, — сказал Ра'уф. — Давай-ка, ещё раз.

Она метала снова и снова, пока рука не начала ныть, а пальцы — покрываться мозолями. Иногда ножи попадали в цель, иногда — нет. Ра'уф молча подносил ей новые, и она продолжала. Ровно до тех пор, пока не разбила 10 ракушек подряд.

Потом была стрельба из лука. Тия вставала на колено, натягивала тетиву, целилась в кружок, нацарапанный ножом на сухом дереве, и отпускала стрелу. Первые несколько раз пролетели мимо, и Ра'уф, слыша звук их падения, только качал головой.

— Ты дёргаешься в момент выстрела, — сказал он. — Расслабь руку. Представь, что ты не стреляешь, а просто отпускаешь птицу. Птица сама знает, куда лететь. И стреляй стоя, что это за новые веяния?

Тия закрыла глаза, сделала глубокий вдох и выдох. Представила, что стрела — это не оружие, а продолжение её мысли. Открыла глаза, прицелилась, отпустила.

Стрела вонзилась в самую середину мишени.

— Запомни, ты всегда можешь лучше, — сказал Ра'уф. — Ещё.

Она стреляла, пока не начало светать, пока пот не стал заливать глаза, пока плечо не начало гореть огнём. К концу тренировки она уже могла попадать в цель с десяти шагов, с двадцати, с тридцати. Не всегда, но чаще, чем промахивалась.

— Достаточно, — сказал Ра'уф, когда утренняя прохлада начала отступать под натиском солнечных лучей. — Сегодня ты покажешь всё, на что способна. Сейчас пойдёшь проведи время в воде и постарайся не думать ни о чем.

— Как я могу не думать? — спросила Тия, опускаясь на песок.

— Плавай, пой, танцуй, ешь. Делай что угодно, только не вспоминай о наступившем дне. Страх питается мыслями. Чем больше ты думаешь, тем он сильнее.

Тия легла на песок, глядя в небо. Звёзды уже скрылись с бледного, ещё не успевшего окончательно проясниться небосвода. На северном берегу у палаток их экспедиции ещё горели костры. А здесь, на этом берегу, её ждали испытания.

— Я справлюсь, — прошептала она. — Я должна.

Из темноты донёсся голос Ра'уфа:

— Конечно, справишься. Я же не зря тебя учил.

«Как он все слышит?» — подумала она. Тия улыбнулась, закрыла глаза и тут же поднялась и твердо пошла в направлении своего временного дома в Пунте.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Две мишени

Рассвет наступил внезапно, как это часто бывает в южных широтах. Ещё минуту назад звёзды мерцали на тёмном небе, и вдруг горизонт ярко вспыхнул, и солнце выкатилось из-за гор, окрасив вершины холмов в розовый цвет. Тия так и не сомкнула глаз. Она лежала в своей спальне, глядя в потолок и настраивала себя на состязания. Каждый совет, каждое замечание, каждый упрёк Ра'уфа — всё это перекатывалось в её памяти, как тяжёлые камни, которые нужно было упорядочить и сложить в ровную стену.

Когда она вышла во дворик, Ра'уф уже сидел на камне у входа, опираясь на посох. На нём был привычный схенти и накидка из тёмной шерсти. Его лицо, как всегда, было непроницаемо, но Тия чувствовала в нём спокойную уверенность, которая передавалась и ей.

— Готова? — спросил он.

— Готова, — ответила она, но голос её дрогнул, выдав волнение.

Ра'уф услышал эту дрожь и чуть заметно наклонил голову.

— Ты волнуешься перед первым испытанием, и это правильно, — сказал он. — Но я хочу, чтобы ты кое-что знала о тех, с кем тебе предстоит состязаться.

Он помолчал, собираясь с мыслями и привычно перебирая чётки.

— Сначала скажу про ножи, — продолжил он. — Думаю, с ножом ты их уделаешь всех. Эти воины умеют охотиться с ножом, сражаться на короткой дистанции, но метать — нет. Это не в их культуре. Им это просто не нужно, потому что для дальних целей у них есть лук и стрелы. Твои навыки для них будут диковинкой. Так что будь готова к первой победе и не сомневайся в себе.

Тия внимательно слушала, запоминая каждое слово, но Ра'уф ещё не закончил. Он поднял своё незрячее лицо к небу, словно ища там подтверждение своим мыслям, и заговорил снова, но теперь в его голосе слышалась непривычная мягкость.

— А вот что касается лука... Они стреляют лучше тебя — даже не спорь. Они, наверное, лучшие охотники в мире, которых я когда-либо встречал. Они с рождения учатся не только стрелять, но и делать луки и стрелы, выбирать правильное дерево, правильно высушивать тетиву. Для них лук — это возможность жить, добывать пищу, защищать свои семьи.

Он вздохнул и повернулся к ней, слепой, но видящий больше, чем любой зрячий.

— Так что тебе поможет только твоя исключительная упрямость, твоя концентрация и... везение. Не смотри на меня так, — добавил он, почувствовав её тревогу. — Я не хочу тебя огорчать или запугивать. Просто прошу: верь в себя и сделай, что можешь. Ты всегда почему-то делаешь намного больше, чем можешь на самом деле. Я не знаю, как у тебя это получается, но это факт.

Тия стояла, переваривая услышанное, и на лице её отразилась целая буря чувств — от признательности до лёгкой досады.

— Вот подбодрил так подбодрил прямо перед выходом, — сказала она с недовольной интонацией, хотя в глазах её уже загорался знакомый упрямый огонь. — Спасибо, учитель.

— Не за что, — невозмутимо ответил Ра'уф. — Видишь ли, старики всегда говорят правду. Это не всегда приятно, но честно.

В эту минуту по ступеням дома своим быстрым шагом, почти вприпрыжку спустился Нехси. Он сразу же с неизменной обезоруживающей улыбкой выпалил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.